

Б 63(5К)

Б42

Ермухан Бекмаханов

Сочинения в семи томах

**Казахстан 20-40 годы
XIX века**

ТОМ 2

Жеті томдық шығармалар жинағы

2 том

**XIX ғасырдың 20-40 жылдары
Қазақстан**

Павлодар 2005

«Мәдени мұра»
мемлекеттік бағдарламасы бойынша басылды

Редакция алқасы:

Арын Е.М. (бас. редактор), Артықбаев Ж.О. (жауапты редактор), Бекмұхамедова Х.А., Бекмаханова Н.Е., Қойгелдиев М.Қ., Нұрпейісов К.Н., Талтенов А.А., Арын Р.С., Қадысова Р.Ж., Омарбеков Т.О., Қинаятұлы З., Смағұлов О.С., Есім Ғ., Уәлиханов Е.Ж., Құдабаев А.Ж., Жәнісов Ә.Т.

академик С.Еейсембаев

515623

Құрастырушылар: атындағы ғылыми

Кәрімова Г.Т., Жәнісов Ә. Т., Күсембаев Н.Б.

Б-40 Бекмаханов Е.Б.

Жеті томдық шығармалар жинағы. 2 том. («XIX ғ. 20-40 жж. Қазақстан»). Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ, 2005. – 427 с.

ISBN 9965-625-29-3

Е. Бекмахановтың «XIX ғ. 20-40 жж. Қазақстан» кітабы Қазақстан тарихының негізгі мәселесіне - XIX ғасырдың 1-жі жартысындағы Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық және саяси дамуына арналған алғашқы монографиялық зерттеу. Айтылып отырған уақыт қазақ тарихы үшін маңызды кезеңдердің бірі. Бұл кезең Қазақстанның Россияға толық бағындырылуымен және соған байланысты қазақ қоғамының түбегейлі өзгеруі, тәуелсіздікті сақтауға ұмтылысы және сол дәуірдің көрнекті саяси қайраткері Кенесары Қасымов бастаған ұлт-азаттық соғыстар сияқты үлкен үрдістермен белгілі.

Кітап тарихшы-мамандарға, оқытушыларға, жоғарғы оқу орын аспиранттары мен студенттеріне және барлық Қазақстан тарихына қызығушылық білдіретін қауымға арналады.

Издается по государственной программе
«Культурное наследие»

Редакционная коллегия:

Арын Е.М. (гл. редактор), Артыкбаев Ж.О. (ответ. редактор),
Бекмухамедова Х.А., Бекмаханова Н.Е., Койгельдиев М.К.,
Нурпеисов К.Н., Талтенов А.А., Арын Р.С., Кадысова Р.Ж.,
Омарбеков Т.О., Кинаятулы З., Исмагулов О.И., Есим Г.,
Валиханов Е.Ж., Кудабаяев А.Ж., Жанисов А.Т.

Составители:

Каримова Г.Т., Жанисов А.Т., Кузембаев Н.Е.

Б-40 Бекмаханов Е.Б.

Собрание сочинений в семи томах. Том 2. («Казахстан в 20-40
годы XIX века»). Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 427 с.
ISBN 9965-625-29-3

Книга Е.Б.Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» явилась первым опытом монографического исследования одного из основных проблем истории Казахстана – социально-экономического и политического развития Казахстана в первой половине XIX века. Описываемый период являлся во многом переломным для истории казахского народа. Он знаменуется такими процессами – как окончательное покорение Казахстана Российской империей и связанными с этим событием координальными изменениями в жизни казахского общества, попыткой сохранения национального суверенитета и разворачиванием последней национально-освободительной войны, во главе которой стал видный политический деятель той эпохи Кенесары Касымов.

Книга предназначена для специалистов-историков, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей Казахстана.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Данный том «Сочинений» Е.Б.Бекмаханова представляет собой основную монографическую работу ученого «Казахстан в 20-40-е годы XIX века». Первое издание, было подготовлено под общей редакцией доктора исторических наук, профессора М.П.Вяткина и было выпущено Казахским объединенным государственным издательством в 1947 году.

Работа явилась первым опытом монографического исследования одного из основных проблем истории Казахстана – социально-экономического и политического развития Казахстана в первой половине XIX века. Описываемый период являлся во многом переломным для истории казахского народа. Он знаменуется такими процессами как – окончательное покорение Казахстана Российской империей и связанными с этим событием координальными изменениями в социально-экономической и политической жизни казахского общества, попыткой сохранения национального суверенитета и разворачиванием последней национально-освободительной войны, во главе которой стал видный политический деятель той эпохи Кенесары Касымов.

При подготовке монографии автор использовал обширный круг источников, как на русском так и на казахском, арабском и др. восточных языках – архивные материалы Москвы, Алматы, Ленинграда, Ташкента и др., труды дореволюционных авторов и данные казахского исторического фольклора

Положения данной монографии были апробированы автором в виде докторской диссертации которую он блестяще защитил в стенах Института истории АН СССР, став, таким образом, первым казахом – доктором исторических наук. Книга является логическим продолжением исследований ученого в начале 40-х годов, когда в качестве одного из соавторов первого издания «Истории Казахской ССР», он написал специальную главу посвященную национально-освободительному движению казахов 1837-1847 гг. под руководством Кенесары Касымова.

С самого выхода монографии она подверглась жесткой критике со стороны недоброжелателей. Они обвинили Е.Б.Бекмаханова в пропа-

гандировании националистических идей, в отходе от марксистско-ленинских установок и в идеализировании феодально-монархического строя.

Результатом явились нападки и гонения, которым подвергся ученый в течение многих лет. В 1952 году Е.Б.Бекмаханов по 58 ст. (враг народа) Уголовного кодекса РСФСР был осужден на 25 лет. Только в результате вмешательства видных московских ученых, в частности профессора А.М.Панкратовой, после почти двухгодичного заточения ученый был признан невиновным и освобожден.

Несмотря на оправдание ученого, его книга не была реабилитирована и в советские годы монография «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» фактически выпадает из научного оборота. Не встречалась она в библиотеках ни тем более на книжных лавках. Сохранялась она лишь в личных библиотеках ученых, которые поддерживали точку зрения Е.Б.Бекмаханова.

Полную реабилитацию ученый плучил, к сожалению, только после смерти – с обретения независимости республикой Казахстан. В 1992 году второе издание монографии к печати подготовил ученик Е.Б.Бекмаханова доктор исторических наук, профессор А.Такенов. А.Такеновым было написано и послесловие к книге, которую мы включили в данный том.

Все ссылки на литературу и примечания автора даются постранично и оставлены составителями без изменений.

ОТ АВТОРА

В специальной исторической литературе не раз отмечалось почти полное отсутствие сколько-нибудь крупных монографических исследований, посвященных разработке основных проблем истории Казахстана. Такие кардинальные вопросы, как развитие социально-экономических отношений и классовая структура казахского общества, этногенезис казахов, проблемы классовой борьбы, крестьянских восстаний и национально-освободительных движений в Казахстане, равно, как и ряд других не менее важных вопросов, до сих пор не нашли своего должного освещения в специальных работах и остаются неразработанными.

Задача данной книги, хотя бы частично, восполнить этот пробел. Над затронутыми здесь проблемами по заданию Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР автор работал ряд лет, используя богатейшие книгохранилища и архивы Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Чкалова и Ташкента. Значительная часть книги основана на архивных материалах и фольклорных источниках, впервые включаемых в научный обиход, которыми автор стремился подкрепить свои выводы. При отсутствии сводных работ и монографий, исследовательская работа над такого рода материалами представляет большие трудности, и автор вполне сознает, что некоторые из выдвигаемых им положений остаются еще в стадии постановки вопроса, требуя дальнейшей, углубленной разработки. В силу тех же причин не все главы данной работы в одинаковой мере подробно освещают затронутые в них вопросы. Так, например, вопрос о взаимоотношениях казахов со среднеазиатскими ханствами только поставлен автором и очень далек от своего окончательного разрешения.

Другие вопросы, вроде вопросов культуры казахского народа в рассматриваемую эпоху, сознательно не включены автором в книгу, как выходящее за рамки данного исследования.

Руководствуясь основными программными документами партии и правительства по идеологическим вопросам и, в частности, по вопро-

сам истории, автор главное внимание сосредоточил на разработке проблем социально-экономического строя казахов, классовой структуры и политического строя Казахского государства, истории взаимоотношений Казахстана с царской Россией и среднеазиатскими ханствами и, наконец, на проблеме национально-освободительного движения в Казахстане, на примере известного движения Кенесары Касымова.

На всем протяжении своей работы автор часто пользовался ценными советами членов-корреспондентов Академии наук СССР — А. М. Панкратовой, Н. М. Дружинина и действительного члена Академии наук КазССР С. В. Юшкова, равно как и проф. М. П. Вяткина и М. П. Морозова, ознакомившихся с книгой в рукописи, которым автор приносит свою глубокую благодарность.

Автор искренне признателен также всем работникам и дирекции библиотек, архивов и научных учреждений, в которых ему пришлось поработать за эти годы. Любезное содействие этих товарищей значительно облегчило автору его работу.

Особую благодарность автор выражает старшему научному сотруднику Гос. Публичной библиотеки им. А. С. Пушкина (Алма-Ата) тов. Л. И. Варшавскому за его неизменную товарищескую помощь в подготовке книги к печати.

Настоящая работа является одной из первых попыток марксистского монографического исследования истории Казахстана в XIX веке. Как первая попытка она, понятно, не лишена многих недостатков. Товарищескую деловую критику этих недостатков автор примет с благодарностью.

ВВЕДЕНИЕ

Время 20—40 годов XIX века — один из интереснейших периодов истории Казахстана — почти совершенно не изучено. Между тем, именно в это тридцатилетие произошли события, определившие дальнейшие судьбы казахского народа. В 20-х годах власть царского правительства прочно закрепилась в Казахстане, а ханская власть к этому времени была ликвидирована введением «Устава о Сибирских киргизах» 1822 года в Среднем жузе и реформой 1824 года в Младшем жузе. Но в конце 30-х годов была сделана новая попытка создания Казахского государства под протекторатом России. Казахский народ, долгие годы стоявший перед альтернативой — быть ли подчиненным царской России или среднеазиатским ханствам, — избрал первый путь. Выбор этот был сделан в обстановке острой политической борьбы внутри казахского общества лишь после того, как исчезли последние надежды отстоять свою государственную независимость.

Разумеется, для историка имеет первостепенное значение детальное выяснение причин, побудивших казахский народ ориентироваться на Россию и связать свою судьбу с судьбой русского народа, а также методов царской политики подчинения, присоединения и превращения Казахстана в конечном счете в колонию. С этим связана необходимость характеристики социально-экономических отношений, в условиях которых происходили отмеченные выше события.

«Диалектика, — писал В. И. Ленин, — требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося, к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе».¹

В описываемую эпоху, под влиянием военно-политического наступления царизма и внедрения в Казахстан товарно-денежных

¹ Ленин В. И. — Соч., т. VIII, стр. 247—248. Очевидно, что правильное понимание и оценка политических событий описываемой эпохи возможны лишь на основе изучения экономики, социального строя, расстановки классовых сил казахского общества, а также понимания процесса происходившей в нем классовой борьбы.

отношений, резко обострились социальные противоречия. Территориальные захваты царизма и захваты общинных земель феодальной верхушкой привели к острому кризису кочевого скотоводческого хозяйства. Лишившись богатых пастбищных угодий, казахи в поисках новых пастбищ оказались вынужденными изменить обычные, веками сложившиеся, маршруты кочевков. Усилился переход от кочевания родами к кочевкам аулами. Все это привело к смешению различных казахских родов и к частым столкновениям между ними. Испытывая острый недостаток в пастбищах, вызванный усилением узурпации общинных земель султанами и родовой знатью, а также земельными захватами царских властей, многие роды стали переходить к оседлости и земледелию. При этом они заимствовали опыт своих соседей — русских переселенцев — крестьян Сибирского и Оренбургского края. Сложившиеся на этой почве отношения оказали немалое влияние на быт казахского народа и способствовали сближению казахов с трудовым русским народом. К середине XIX века земледелие стало второй, после скотоводства, отраслью хозяйства казахов.

Рост внутренней торговли, связанной с продвижением мены от пограничных меновых дворов в глубину казахской степи, оказал влияние на направление скотоводческого хозяйства и на сдвиги в промышленном производстве, которое из чисто натурального все более превращалось в производство для обмена, отрываясь от сельского хозяйства.

Под влиянием роста товарно-денежных отношений и изменения хозяйственного быта усилилась классовая дифференциация казахского общества. Выделилась новая эксплуататорская социальная группа — байство, приобретающая все большее влияние. Происходило слияние степной аристократии — султанов, чингизидов («белая кость») — с родовой знатью. Стиралась былая грань между так называемыми «тюре» и родовой знатью. Терял свое первоначальное значение, а к середине XIX века вообще перестал существовать институт тарханов. С другой стороны, в классовой борьбе начинали играть крупную роль различные группы социальных низов — байгуши, жатаки, егынши и бахташи, — количество которых непрерывно возрастало. Seriously изменилось положение рабов и тюленгутов. Первые почти потеряли свое значение, а положение тюленгутов все более приближалось к положению крепостных слуг.

Все это вместе взятое приводит к тому, что борьба народных масс против колониального гнета переплеталась с обострившейся борьбой внутри казахского общества, с борьбой против собственной феодальной верхушки. Все это происходило в условиях сохранения необычайно живучих патриархально-родовых пережитков. А, как известно, пережитки патриархально-родовых отношений всегда представляли «великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма»

Колонизаторская политика царизма встретила ожесточенный отпор казахского народа. Именно в 20—40 годы XIX века происходит одно из наиболее крупных в истории казахского национально-освободительного движения восстание под руководством Кенесары Касымова. Оно продолжалось в течение 10 лет, последовательно охватив все три казахских жуза и вовлекло в борьбу широкие народные массы. Восстание это особенно интересно потому, что в процессе его была сделана последняя попытка образования единого казахского государства с целью отстоять его политическую независимость. Анализ причин и движущих сил восстания, изучение его специфических особенностей и вопроса о степени его прогрессивности и массовости, наконец, выяснение причин поражения восстания и его влияния на последующий ход событий — вот третья группа вопросов, интересных для историка этой эпохи.

Итак, только тщательное изучение социально-экономических отношений казахов, анализ изменений в хозяйственном строе и классовой структуре казахского общества и вызванных этим последствий может обеспечить и понимание событий именно эти вопросы являются наименее исследованными. Если о социальных отношениях казахов в XVIII веке имеется серьезная работа профессора М. П. Вяткина², то по той же теме в первой половине XIX века нет ни одной обобщающей статьи. Исследователю здесь приходится по крупицам собирать разпыленный повсюду материал.

Не разработаны и другие не менее важные проблемы. До сих пор нет ни одной сводной марксистской работы по истории колониальной политики царизма в Казахстане.

¹Энгельс Ф. — Архив Маркса — Энгельса, т. I (VI), стр.

²Проф. Вяткин М. Я. — Батыр Срым Датов, М., 1947.

На страницах «Исторического журнала» проф. С. В. Бахрушин высказал мысль о необходимости изучения русско-казахских взаимоотношений с целью выяснения торгово-экономических и культурных связей казахов с русским населением, в частности с русскими переселенцами в Оренбургском крае и Сибири. К сожалению, до сих пор это указание проф. С. В. Бахрушина остается только пожеланием, и мы в нашей работе делаем лишь первую попытку частичного освещения этого столь важного вопроса. Выяснение этого вопроса особенно важно потому, что оно позволяет вскрыть условия сближения казахов с Россией, их общения в обстановке давних торговых и культурных связей с русским населением, не имевших ничего общего с захватнической колониальной политикой царизма. Отталкивало казахов от царской России не их общение с русским народом, а реакционная, жестокая колонизаторская политика российского самодержавия, против которого дружно боролись лучшие сыны русского и казахского народов.

Тщательное изучение материалов позволяет вскрыть ряд других интересных особенностей изучаемого периода, которые до сих пор не были отмечены в литературе. В первую очередь это относится к вопросу о политическом строе ханства Кенесары. Свое государство Кенесары создавал в беспощадной борьбе с патриархально-феодальной знатью, с ее центробежными тенденциями, с предательской политикой султанов-правителей. Опираясь на средние слои феодалов и батыров, Кенесары провел ряд важных реформ прогрессивного характера.

Мы сознательно не включили в наше исследование Букеевскую орду, учитывая специфичность ее положения, и ограничились рассмотрением событий в трех жузах. Не желая чрезмерно расширять размеры исследования, мы лишь постольку касались положения в Бухаре, Хиве, Коканде и Киргизии, поскольку это непосредственно связано с нашей темой. Наше исследование базируется на архивных материалах, по большей части впервые вводимых в научный обиход, на очень мало известных казахских фольклорных источниках и на обширной литературе как русской, так и на восточных языках, причем большая часть ее является сейчас библиографической редкостью.

Транскрипция казахских имен дается в казахском произношении, кроме тех, которые уже вошли в обиход в русском произношении (например, Айчувак вместо казахского Айшуак); все прочие имена и термины даются в общепринятой транскрипции.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

а) ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Важнейшей преградой на пути каждого исследователя прошлого Казахстана является слабая разработка основных принципиальных проблем истории Казахстана и казахского народа. Почти совершенно отсутствуют специальные монографические исследования по отдельным вопросам и только за последние годы появилось две сводных работы по истории Казахстана. Первая из них — «Очерки по истории Казахской ССР», т. I — проф. М.П. Вяткина, вышедшая в 1941 г., вторая — коллективная работа «История Казахской ССР», вышедшая в 1943 г., под редакцией тт. А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. Обе эти работы настолько широко известны, что вряд ли есть необходимость на них подробно останавливаться, особенно после дискуссии, имевшей место при обсуждении «Истории Казахской ССР» в Институте истории Академии наук СССР в Москве и обстоятельной критической статьи тов. М. Морозова в журнале «Большевик», вскрывшей важнейшие принципиальные ошибки, допущенные авторами второй из указанных работ.¹

Само собой разумеется, что в этих сводных работах, охватывающих большой исторический период, специальным вопросам не было, да и не могло быть, уделено необходимого внимания. Между тем, дальнейшее развитие исторической науки в Казахстане упирается именно в детальную разработку отдельных проблем истории казахского народа, в создание монографических исследований.

Опыт такого монографического исследования является настоящей работой.

В дореволюционных исследованиях наиболее подробно разработаны вопросы политической истории казахов. Но в дореволюцион-

¹ В настоящее время готовится второе, исправленное и дополненное издание «Истории Казахской ССР», в котором заново переработан ряд глав, в том числе и посвященных интересующему нас периоду.

ной историографии почти совершенно не разрабатывалась проблема социально-экономических отношений. Только отдельные исследователи пишут о существовании двух социальных групп — ак-суек (белая кость) и кара-суек (черная кость), причем они характеризуются статически, а не в их историческом развитии.

В общих исследованиях, посвященных истории Казахстана, в частности в работах Красовского¹, Завалишина², Мейера³ и отчасти у Небольсина⁴, в общих чертах даются описания хозяйства и быта казахов. Однако и в этих исследованиях трудно проследить изменения социально-экономических отношений.

В целях оправдания колониальной захватнической политики царизма в Казахстане как дворянским, так и буржуазным историкам выгодно было изображать хозяйство и социальный строй казахов застывшими, не подвергавшимися классовой дифференциации. А местные буржуазные националисты вообще отрицали существование феодальных отношений в Казахстане и классового неравенства среди казахов. Они утверждали, что у казахов существует социальное равенство, так называемый родовой демократизм (А. Байтурсунов, Шонанов и др.).

Следует отметить, что богатые этнографические материалы о хозяйстве и быте казахов разбросаны в дореволюционных журналах и неперiodических изданиях («Вестник Европы», «Русский Вестник», «Русская Мысль», «Записки ИРГО», «Земледелие», «Журнал Министерства Юстиции» и др.).

Из дореволюционных трудов по истории Казахстана следует особо выделить записи обычного права казахов. Большинство этих материалов собраны в середине XIX века, а обработка и печатание их относятся к 60—80 годам прошлого столетия. Сюда относятся ценные записи обычного права казахов, произведенные Баллюзек Л.⁵, Мяку-

тиным А.¹, Маковецким П.², Самоквасовым³, Добросмысловым А.⁴, Крафтом И.⁵ и другими. Эти источники являются весьма ценными материалами для изучения социально-экономических отношений в Казахстане. На основании их можно проследить процесс классовой дифференциации в казахском ауле и определить положение отдельных социальных групп — султанов, биев, батыров, тюленгутов и т. д.

Однако к записям обычного права необходим особо критический подход. Прежде всего, очень важно установить — когда, кем и с чьих слов производилась запись. Наиболее достоверными записями являются те, которые собраны самими казахскими султанами, биями и аксакалами. К такого рода записям относятся материалы об обычном праве казахов Оренбургского края, которые собрал и обработал Баллюзек. Большая часть материалов, опубликованных Л. Баллюзек, собрана султаном Сейдалиным. По поводу его участия Л. Баллюзек писал: «Передавая ныне печати собранные по моему приказанию служившими в бывшем Управлении Оренбургскими киргизами должностными лицами киргизские обычаи... и обязанностью считаю выразить здесь мою искреннюю признательность всем участвовавшим при собирании этих сведений, в особенности штаб-ротмистру султану Сейдалину, более всех трудившемуся в этом деле»⁶.

К такого рода источникам относится также «Сборник обычного права Сибирских инородцев», изданный Самоквасовым. Сбор этого материала относится к 20-м годам XIX века. Впервые он был издан ген.-майором Броневским в 1830 году в «Отечественных Записках»⁷.

Для научного использования этих материалов необходима их сверка с сохранившимися в архивах записями обычного права казахов. Это дает возможность не только установить время записи, но и предупредить возможные ошибки и искажения.

¹ Мякутин А. — Юридический быт киргиз. № 1—11, «Труды Оренбург. Ученой Архивн. Комиссии», XXV, 1910.

² Маковецкий П. — Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I, Омск

³ Самоквасов Д. — Сборник обычного права сибирских инородцев, Варшава, 1876.

⁴ Добросмыслов Л. — Суд киргизов Тургайской области в XVIII и XIX вв., Казань, 1904

⁵ Крафт Я. — Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях, Оренбург, 1898.

⁶ Баллюзек Л. — Указ. соч., стр. 133

⁷ «Отечественные записки», 1830, № 124.

¹ Красовский М. — Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики, СПб, 1868.

² Завалишин И. — Описание Западной Сибири, т. III, «Сибирско-киргизская степь», СПб, 1867.

³ Мейер Л. — Киргизская степь Оренбургского ведомства, 1865.

⁴ Небольсин П. — Очерки торговли со Средней Азией, Хивой, Бухарой и Кокандом со стороны Оренбургской Линии, СПб, 1856.

⁵ Баллюзек Л. — Народные обычаи и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона, «Записки Оренбург, отд. ИРГО», вып. II, 1871.

К числу неразработанных вопросов дореволюционной историографии относится также история взаимоотношений русских переселенцев в Сибири и Оренбургском крае с казахским населением. Неработанность этого вопроса «объясняется тем, что в своих исследованиях представители официальной историографии рассматривали казахов лишь как объект колонизации. Относясь к казахам, как к «инородцам», они проводили резкую грань между казахами и русскими поселенцами и всячески стремились затушевать складывавшиеся между ними дружественные отношения. Царизм понимал, что установление дружбы русских крестьян с казахским населением может подорвать его колониальную захватническую политику. Но прогрессивные представители передовой русской демократической интеллигенции держались другой точки зрения. Поэтому не случайно на страницах дореволюционных журналов и газет напечатан ряд интересных материалов о дружественных взаимоотношениях казахов с русскими переселенцами¹.

Правда, по истории русских переселенцев в Сибири имеются интересные работы Словцова², Н. Ядринцева³, Ф. Усова⁴ и других. В этих исследованиях довольно подробно излагается история русских переселенцев в Сибири и дается подробная характеристика их тяжелого экономического положения. Но, к сожалению, в них почти не исследованы взаимоотношения переселенцев с местными казахами. Почти не имеется исследований об истории оренбургских переселенцев.

В дореволюционной историографии совсем не был освещен вопрос о совместной борьбе русского и казахского народов во время восстания Пугачева.

Следующим вопросом, также слабо разработанным в дореволюционной историографии, является история взаимоотношений Казахстана с соседними государствами — Хивой, Бухарой, Кокандом и Китаем. Неработанность этого вопроса объясняется, прежде всего, тем, что в дореволюционных исследованиях международное положение Казахстана рассматривалось в связи с вопросом о колониальном подчинении казахов России. Отношение соседних государств к Казахстану рассматривалось лишь с точки зрения их притязаний и грабительских набегов

на подданных царской России. Вопросы экономической и культурной связи казахов с соседними народами совершенно не разработаны.

Из дореволюционных исследований, в которых нашло отражение история взаимоотношений казахов и среднеазиатских ханств, пожалуй, наибольший интерес представляет работа В. Наливкина о Кокандском ханстве¹. На протяжении 10 лет автор изучал историю Кокандского ханства. Прекрасно владея восточными языками, он использовал работы Джаан-Нама «История Кокандского ханства»; Ходжи-Мухаммед-Хаким-Хан-Тюре «Мунтахаб-ут-Таварих»; записки султана Бабура «Бабур-Нама» и другие. До настоящего времени эти работы не только не переведены на русский язык, но и не изданы, за исключением «Бабур-Нама». Однако серьезным недостатком работы Наливкина является отсутствие научного аппарата; в ней нет ссылок на использованные источники, поэтому трудно установить, откуда именно взяты отдельные цитаты. На этот недостаток обращали внимание крупные дореволюционные востоковеды и, в частности, проф. Н. И. Веселовский, который писал: «История ханства изложена без соблюдения необходимых научных требований, даже самых элементарных. Мы не встречаем в «Краткой истории Кокандского ханства» не только цитат из рукописи, нам совершенно еще не известных, но даже и ссылок на них, за исключением двух — трех случаев»².

Кроме того, Наливкин подробно излагает лишь историю отдельных кокандских ханов, не давая характеристики общественно-социального строя Кокандского ханства. Несмотря на отмеченные недостатки, работа Наливкина является ценным источником.

Особый интерес в этой работе представляет оценка захватнической политики ферганских ханов. Подробно описываются походы Алим-хана и Омар-хана на казахов Старшего жуза и алатауских киргиз.

В работе Наливкина, впервые в русской литературе рассказана о крупных восстаниях казахов Старшего жуза против Кокандского владычества. Даются также отрывочные сведения о восстании алатауских киргиз.

В нашу задачу не входит разбор всей работы Наливкина. Мы коснулись только тех ее разделов, которые имеют прямое отношение к нашему исследованию. В целом работа Наливкина охватывает историю

¹ См. главу «Взаимоотношения казахов с русскими переселенцами».

² Словцов — История Сибири, в 2-х томах.

³ Ядринцев Н. И. — Сибирские инородцы, их быт и современное положение, 1891.

⁴ Усов Ф. — Статистическое описание Сибирского казачьего войска, СПб, 1879.

¹ Наливкин В. — Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.

² «Записки Восточ. отд. А.О.», т. I, стр. 227—228.

Кокандского ханства со дня его основания и до последнего кокандского хана Худояра.

Большой интерес представляют и работы Данилевского, Я. В. Ханькова, Н. И. Веселовского и акад. В. В. Бартольда, а из советских исследователей — П. П. Иванова, посвященные среднеазиатским ханствам. Во всех этих работах мы находим, хотя и не полные, но весьма ценные данные о положении в этих ханствах казахов и об отношениях их с соседними народами. Особо надо отметить ценные исследования по истории социальных отношений в Казахстане М. П. Вяткина, в частности, его работы о Срыме Датове, о тюленгутах и о крестьянских войнах в Казахстане и В. В. Шахматова, в особенности его работу «Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова» (Алма-Ата, 1947 г.). Целком основанные на архивных материалах, эти работы содержат много нового и интересного для историков Казахстана.

Из литературы на восточных языках по истории Казахстана и Средней Азии следует указать на интересную работу Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Оглы¹, написанную на тюркско-татарском наречии. Он был родом из Аягуза Семипалатинской губернии, и жил в Чугучаке — Синьцзянской провинции Китая.

По многочисленным источникам, приводимым автором на арабском, тюркском и персидском языках, видно, что он был знатоком истории восточных стран. В разделе, посвященном истории Коканда, Бухары и Хивы, им использованы работы известных узбекских историков — Молла-Нияз-Мухаммед-Бен-Ашур-Мухаммеда², Хаджи-Мухаммед-Хаким-Хан-Тюре³ и других. Особый интерес представляют разделы, посвященные истории Казахстана. Сознвая отсутствие полноценных источников по истории Казахстана, автор значительную часть своего исследования посвятил изложению материалов, собранных путем многочисленных записей со слов известных в то время биев и султанов. Поэтому в работе Кары-Курбан-Али-Каджи приводится много афоризмов биев, песен и этнографических материалов.

В предисловии автор пишет, как он работал над изучением истории казахов: «После окончания своего исследования по истории Средней Азии и Восточного Туркестана я приступил к написанию истории казахов. У них не имеется письменных источников, но зато сохранились обильные материалы в виде устных преданий. Но, к сожалению, в устной передаче факты и события прошлого не всегда бывают точными. Поэтому автор более 20 лет трудился над изучением и обработкой материалов и внес в свое исследование самые достоверные факты, не вызывающие сомнения»¹.

Особую ценность представляют разделы, посвященные анализу различных социальных групп Казахстана. При этом автор дает не только филологическое, но и социально-экономическое объяснение происхождения отдельных социальных терминов. Например, объясняя происхождение термина — аксакал (родовой старшина), автор указывает, что слово «аксакал» возникло в эпоху родового строя, когда аксакалами назывались родовые старшины, впоследствии же этим словом обозначалась вся феодальная знать — бии и султаны, — имевшие сколько-нибудь крупное влияние.

Интересное объяснение дает автор происхождению социального термина «тюре», устанавливая, что это слово перешло к казахам от периода татаро-монгольского господства. С течением времени тюре обособились в особую феодальную касту и пользовались привилегированным положением среди казахов. Интересно его объяснение происхождения и эволюции социальной категории тюленгут. Говоря об отдельных социальных группах, автор пользуется не только казахскими материалами, но все время делает экскурс в историю арабов, тюрков и персов, поясняя, как понимаются эти термины у них.

Из других восточных авторов укажем на работу Мулла-Алим-Махдум-Каджи «Тарих-Туркестан», написанную на узбекском языке². Автор — сотрудник «Туркестанской туземной газеты» — прекрасно владел восточными языками. В своей книге он излагает историю ферганских ханов с начала XIX в. до Худояр-хана. В предисловии автор указывает, что он 40 лет занимался сбором и изучением материалов по истории Туркестана. Первая часть его работы начала печататься еще в

¹ Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы — Тавари-Хамсе, Казань, 1915.

² Таарих Шахрохи.

³ Мунтахаб-ут-Таварих. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XVII, Ташкент, 1913.

¹ Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы — Указ. соч. стр. 140.

² Мулла-Алим-Махдум-Каджи — Тарих-Туркестан, Ташкент, 1915.

1900 году на страницах «Туркестанской туземной газеты». Основным источником ему послужили старинные рукописные труды местных историков, а затем записанные им воспоминания со слов современников отдельных ханов. К сожалению, не удалось установить авторов использованных им рукописей. Только на основании сверки с текстами «Тарих-Шахрухи» удалось выяснить, что она им использована. В плане нашего исследования особенно важно отметить, что автор большое внимание уделял истории казахов, в частности движению Кенесары.

Раздел, посвященный Кенесары, записан автором в 1870 году со слов известного батыра Кенесары — Бухарбая, причем приводится песня повстанцев, спетая Бухарбай-батыром. Кроме того, автор сообщает интересные материалы о Кокандском господстве в степях Дешт-и-Кипчак (Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата) и показывает, какими жестокостями сопровождалось покорение казахов Старшего жуза Кокандом. Все же работа Мулла-Алим-Каджи не лишена серьезных недостатков. Правдиво отразив отдельные факты и события, автор, следуя мусульманским преданиям, облачает в мифические образы некоторых ханов. Пишет он крайне цветисто: «И собрал хан Алим-хан бесчисленное войско с пушками, ружьями и всем оружием и двинул его к Ташкенту... Обильным дождем посыпались пули и гранаты на осажденный город»¹. Несмотря на это, «Тарих-Туркестан» дает весьма ценный материал для историка.

Важным источником по истории ферганских ханов является работа Муллы-Ниязи-Мухаммед-Бен-Ашур-Мухаммед — «Тарих-Шахрохи», написанная на персидском языке. Автор излагает историю кокандских ханов, начиная от Нарбута-бия и кончая последним кокандским ханом — Худояр-ханом. Особая ценность «Тарих-Шахрохи» в том, что автор был современником многих кокандских ханов и живым свидетелем важнейших событий.

Автор сообщает подробности о правлении Нарбута-бия, Алим-хана, Омар-хана и Мадали-хана. Весьма обстоятельно излагается история многочисленных войн с Бухарой, Ташкентом. Дается ценный материал о походах Коканда на территорию Старшего жуза и присырдарьинских казахов, в царствование Алим-хана и Омар-хана. Описывается жестокость и грабежи кокандских завоевателей.

¹Мулла-Алим-Каджи — Указ. соч., стр. 124.

Существенным недостатком «Тарих-Шахрохи» является ее явно апологетический характер. Автор дает одинаково хвалебную оценку всем кокандским ханам, всячески стараясь оправдать их жестокость. В частности, в двустии, посвященном Алим-хану, он говорит:

Жестокость вызывается не враждебностью,

А интересами ограждения своего имущества от врагов¹.

В работе совершенно отсутствует социально-экономическая история Кокандского ханства. Все построено на характеристике деятельности отдельных ханов, их военных походов, личной жизни и т.д. Тем не менее, данная работа является ценным источником для политической истории ферганских ханов.

Использована нами также работа ферганского историка Хаджи-Мухаммед-Хаким-Хан-Тюре «Мунтахаб-ут-Таварих», написанная на персидском языке. К сожалению, мы не могли ознакомиться с подлинником рукописи и вынуждены были использовать подробный пересказ текста «Мунтахаб-ут-Таварих», сделанный Л. Зимин². Кроме того, мы пользовались отрывками из подлинника, напечатанного в хрестоматии для Туркестанской учительской семинарии, составленной В. Наливкиным.

Автор описывает годы правления Алим-хана. Отец автора был родственником Алим-хана и поэтому история его ханства изложена весьма тенденциозно. Автор не жалеет похвал талантам Алим-хана и подробно описывает его походы, стараясь и здесь показать его всепобеждающим полководцем. Все же в работе приводятся интересные сведения об отдельных походах Алим-хана на алатауских киргиз и в степи Дешт-и-Кипчак.

Не останавливаясь на характеристике других использованных литературных источников, мы подвергнем подробному разбору литературу, посвященную восстанию казахов 1837—1847 гг., поскольку в ней отражено одно из крупнейших событий рассматриваемой эпохи.

Наиболее полной, богатой фактическими данными и максимально для историка времен царизма объективной работой, и по сей день остается работа Н. Середы «Бунт киргизского султана Кенесары Касымов

¹Мулла-Нияз-Мухаммед-Бен-Муллы-Ашур-Мухаммед.—Указ. соч.

²Зимин Л.—Мунтахаб-ут-Таварих. Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1913, стр. 107.

ва»¹. Работа эта настолько широко известна, что специально говорить о ней нет никакой надобности. Несомненно, что это лучшая и самая серьезная работа из всех дореволюционных трудов о Кенесары.

Столь же широко известна и работа Г. Смирнова², являющаяся переработкой устного рассказа сына Кенесары — Ахмета — о восстании, возглавлявшемся его отцом. Чрезвычайно важная, как источник и как собрание фактических материалов, книга эта почти не освещает основных принципиальных вопросов восстания и не дает ему должной оценки.

Еще меньше материала мы находим в других трудах историков эпохи царизма. Дореволюционные историки — Мейер³, Красовский⁴, Добросмыслов⁵, Терентьев⁶ — в своих исследованиях, посвященных Казахстану, большое внимание уделяли его политической истории и значительно меньше — экономическим вопросам. Только Мейер и Добросмыслов дают более или менее подробные сведения о ходе восстания Кенесары, но Добросмыслов пересказал в сокращенном виде работу Середы, что он и сам признает. Другие авторы дают о восстании Кенесары только отрывочные сведения, главным образом, в связи с военными походами русских войск. Следует отметить, что Л. Мейер, А. Добросмыслов, М. Красовский, М. Терентьев, работавшие в качестве военных специалистов в генеральном штабе, оправдывали колонизаторскую политику царизма и потому национально-освободительную борьбу казахов рассматривали как «противозаконные» действия. Не случайно поэтому они называют повстанцев «скопищем», «шайкой», руководителей восстания — «разбойниками» и «хищниками», а само восстание — «бунтом» и «мятежом».

¹ Эта работа опубликована в «Вестнике Европы» 1870, № 8 и 1881 № 9; ее автор Середа Н. происходит из Полтавской губ. Родился он в 1840 году. Воспитание получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. С 1875 г. он был утвержден в должности Оренбургского городского головы. На этом посту он прослужил с некоторым перерывом до 1892 г. (биографические данные взяты из служебного списка Середы, хранящегося в Чкаловском Гос. Истор. архиве).

² Смирнов Г. — Султаны Кенесары и Садык, Ташкент, 1889.

³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб, 1865.

⁴ Красовский М. — Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики, СПб, 1868.

⁵ Добросмыслов А. — Тургайская область. Исторический очерк, Тверь, 1902.

⁶ Терентьев М. — История завоевания Средней Азии, т. I—II, СПб, 1906.

Общим у вышеуказанных авторов в их понимании восстания Кенесары является следующее:

Во-первых, все они отрицают поддержку народом восстания 1837—1848 гг., а его руководителя Кенесары Касымова показывают как выскочку, примкнувшего к движению для того, чтобы стать ханом. В этих целях он, якобы, насильно заставлял казахов присоединиться к «бунту».

Во-вторых, все они утверждают, что Кенесары не имел определенной политической программы. По их словам, его целью были лишь грабежи и насилия. Л. Мейер пишет: «Он никогда не действовал обдуманно и искренне ни за своих, ни, против чужих»¹.

Это неправильное утверждение является лишь логическим следствием предшествующих выводов, имевшим определенный политический смысл — очернить роль Кенесары как руководителя национально-освободительного движения.

Но вместе с тем, указанные авторы единодушно подчеркивают полководческий талант Кенесары, его личную храбрость и авторитет среди народа. Мейер пишет: «Он был храбр до нельзя»². Добросмыслов пишет: «Этот султан был человек энергичный, решительный, обладавший к тому же недюжинным умом»³.

В результате непонятно, почему Кенесары пользовался таким огромным авторитетом среди народа и почему на протяжении ряда лет власти не могли подавить восстание. Сами авторы признают, что «отряд за отрядом высылались в степь, а Кенесары вертелся и юлил в виду этих отрядов, ускользя от преследования в беспредельных степях»⁴.

Немного работ появилось о восстании Кенесары и после революции, когда для исследователей открылись двери архивов. Из советских историков о Кенесары писали гг. А. Рязанов, М. Стеблин-Каменская, А. Якунин и М. Вяткин. Самой обширной работой является рукопись А. Ф. Рязанова — единственная монография в этой области. За смертью автора она осталась неизданной⁵. Работа Рязанова не лишена крупных недостатков. Хронологически исследование Рязанова охваты-

¹ Мейер Л. — Указ. соч., стр. 57.

² Мейер Л. — Указ. соч., стр. 57.

³ Добросмыслов А. — Указ. соч., стр. 70.

⁴ Терентьев М. — Указ. соч., стр. 203.

⁵ Рязанов А. Ф. — Восстание Кенесары Касымова (1837—1847 гг.), ч. I—III, ЛОИИ (рукопись).

вает время, начиная с конца 1838 года, когда центр освободительного движения был перенесен в восточные районы Оренбургского края. Таким образом, начальный этап восстания Кенесары, происходивший в Среднем жузе, остался неосвещенным. Вследствие этого остался невыясненным весьма важный вопрос об истоках движения и о процессе объединения казахов Среднего и Младшего жузов для совместной борьбы с царскими колонизаторами. При этом Рязанов не дает истории участия в восстании казахов Среднего жуза, ограничиваясь только изложением хода восстания казахов Оренбургского ведомства. Это объясняется тем, что Рязанов писал свою работу лишь на основании архивных данных Оренбургской Пограничной Комиссии.

В работе Рязанова имеется также ряд принципиальных ошибок. Прежде всего, автор неправильно освещает причины национально-освободительного движения. Оставив в стороне историю колонизаторской политики царизма и не выяснив социально-экономические корни недовольства казахов, он ищет истоки и причины движения в природных условиях отдельных областей и в психологических особенностях казахов.

В рассматриваемую эпоху Казахстан стоял накануне окончательного превращения в колонию царизма. На арену борьбы выступили не только султаны, но и народные массы. Участие народных масс в восстании не может быть объяснено борьбой султанов за ханскую власть. Рязанов не отрицает вовлечения казахского народа в восстание, но объясняет этот факт психологическими мотивами. Он пишет: «Постоянная вражда и взаимная барымта, которые происходили на протяжении всей Оренбургской Линии до 30-х годов XIX века, способствуют тому, что воинственные нравы казахов Малой Орды ко времени восстания султана еще сохранились»¹.

Одним из решающих вопросов в развернувшейся борьбе был земельный вопрос, ибо кочевое скотоводческое хозяйство не может существовать без удобных пастбищных земель. К моменту восстания Кенесары казахи переживали земельный кризис, вызванный земельными захватами феодальной верхушки и царизма, в силу чего казахи все больше оттеснялись на пустынные территории. Понятно, какое большое значение имеет этот вопрос для выяснения подлинных причин

¹ Рязанов Л. Ф.—Указ. соч., ч. II, стр. 101

восстания Кенесары. Рязанов не понял природы земельного кризиса. Его причины он ищет в исчезновении рек, в высыхании озер, в возникновении Голодной степи, т. е. в процессах, происходивших в течение тысячелетий. Столь же неправильно освещает Рязанов ход отдельных военных операций, постоянно акцентируя личные интересы Кенесары: «Султан Касымов повел борьбу со старшим султаном Акмолинского округа Худаймендиновым, который, по их понятиям, не вправе был занять эту должность»¹.

Неправильно понимает Рязанов и роль Кенесары. Он преувеличивает в развитии борьбы значение личных интересов Кенесары, рисуя народные массы, как слепое орудие его воли. По Рязанову, народ собирается вокруг Кенесары только летом, да и то после выпивки первого кумыса, «когда казахи становятся более предприимчивыми к походу». В его сознании не укладывается, что представитель аристократии — султан — в своей деятельности может объективно защищать общенациональные интересы.

Значительное место Рязанов отводит описанию военных экспедиций и походов, предпринятых правительством. Среди них описание военного похода 1843—1844 гг. Дуниковского и Жемчужникова и посольство Долгова занимают почти одну треть монографии.

Недостатком этого раздела является то, что в нем не показана тактика Кенесары. Благодаря недооценке многообразия тактических приемов Кенесары, для Рязанова осталось загадочным, почему все карательные экспедиции возвращались ничего не добившись.

Другие ошибки Рязанова, носящие фактический характер, отмечены в соответствующих местах нашей работы.

Исследование Рязанова доведено только до 1845 года. Дальнейшая история восстания, происходившего в пределах Большого жуза, подведомственного пограничному начальнику сибирских киргизов, не освещена. Поэтому не могли быть освещены и причины поражения восстания.

Тем не менее, при всех недостатках, работа Рязанова представляет интерес. В ней впервые подробно разработана история русских военных походов против Кенесары и обстоятельно исследована агентурная

¹ Рязанов А. Ф.—Указ. соч., ч. I, стр. 31.

разведка в Казахстане. Особенно ценно то, что Рязанов впервые ввел в научный оборот большое количество архивных материалов, ранее не использованных исследователями.

Большой интерес представляет и работа М. И. Стеблин-Каменской о восстании Кенесары Касымова¹. На основе архивных материалов автор впервые делает попытку осветить истоки восстания Кенесары, проследить участие в нем различных казахских родов и разобрать причины его поражения. В этом отношении автором проделана значительная работа. Большим достоинством статьи является то, что в ней правильно показан классовый, феодальный характер политики Кенесары, поскольку эта политика направлялась на вопросы внутренней организации ханства, за создание которого боролся Кенесары.

Среди отдельных недочетов исследования М. И. Стеблин-Каменской следует отметить недостаточно убедительное объяснение причин поражения восстания. В основном, правильно освещая эти причины, автор без достаточных оснований утверждает, что «непримиримые противоречия между лозунгами, на борьбу за которые он звал, и их осуществлением, на деле были основной причиной постепенного отхода от движения казахских масс»². На самом деле причин поражения восстания было много, и одной из них явилось новое соотношение сил, возникшее в результате совместного выступления царских колонизаторов, Коканда и киргизских манапов против Кенесары.

Других затронутых автором вопросов, в частности об истоках движения, мы сейчас не касаемся, поскольку в работе М. И. Стеблин-Каменской они поставлены только в порядке проблемы и требуют специального рассмотрения.

Необходимо отметить некоторые ошибочные положения, выдвинутые за последние годы историками Казахстана. Так, А. Якунин в своей работе «О восстании Кенесары Касымова»³ дал неправильную характеристику восстания казахов 1837—1847 гг., возглавлявшегося Кенесары.

Основная ошибка А. Якунина заключается в том, что он механически отрывает стремление Кенесары к созданию казахского ханства от борьбы широких народных масс.

¹ Стеблин-Каменская М. — Указ. статья, стр. 249

² Там же, стр. 249.

³ Якунин А. — Восстание Кенесары Касымова, «Большевик Казахстана», 1939.

Характеризуя Кенесары, как случайного попутчика движения, примкнувшего к восставшим во имя своих корыстных целей, Якунин утверждает, что «Кенесары, примкнув к стихийно начавшемуся в 1838 году движению трудящихся масс казахов, оказался в ходе восстания изолированным и оторванным от масс». В другом месте своей статьи он говорит: «Кенесары, как мы видели, не пользовался поддержкой масс; больше того, Кенесары встречал в массах безразличное или прямо враждебное отношение»¹. Нужно отметить, что даже царские историки прекрасно понимали, почему в течение 10 лет Кенесары руководил восстанием. Далеко не случайно, например, что еще в 1872 году военный историк В. А. Потто в своих лекциях «О степных походах», говоря о восстании Кенесары, отмечал, что оно приняло «тот опасный характер единодушного и общего восстания, с которым справиться было уже не легко; тем более, что во главе мятежа стояла буйная, но даровитая и в высшей степени энергичная личность»².

Подобные же признания мы находим и в работах Середы, Добромыслова, Красовского, Мейера и других, сумевших серьезно и объективно подойти к фактам.

Исходя из неверной оценки роли Кенесары, автор пишет, что Кенесары не мог выдвинуть политические лозунги, отвечающие общенародным интересам. «Преследуя свои личные цели, — говорит Якунин, — будучи неспособным выработать и выставить сколько-нибудь прогрессивные, общенародные требования, руководители движения, как Кенесары... не могли объединить казахский народ на борьбу за свободу и независимость. Они не выставляли лозунга борьбы за свободу»³.

Ознакомление с письмами Кенесары, в которых тот подробно излагал свои политические цели, легко убеждает о несостоятельности и этого положения.

Точка зрения А. Якунина известное время имела распространение среди некоторых историков Казахстана. Однако затем появился ряд статей на страницах печати, обстоятельно разбирающих ошибочность таких взглядов.

¹ Якунин Л. — Указ. статья, стр. 54.

² Потто В. А. О степных походах, «Военный Вестник», 1873, № 1 — 4, стр. 254.

³ Якунин Л. — Указ. статья, стр. 43.

Восстание Кенесары довольно подробно освещено в «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1943 году под редакцией А. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. Основным недостатком в изложении восстания Кенесары Касымова является то, что оно охарактеризовано односторонне, без анализа социально-экономических предпосылок. Поэтому остаются непонятными характер и движущие силы восстания Кенесары. Далее, совершенно не был показан политический строй ханства Кенесары, без чего невозможно понять, в чем выразилась прогрессивная роль Кенесары по сравнению с его предшественниками. Такая односторонняя характеристика восстания Кенесары вытекала из ошибочной установки самой книги, в которой упор был сделан на односторонний показ национально-освободительного движения и не давался анализ социально-экономических отношений и классовой борьбы. Это и было самой существенной ошибкой первого издания «Истории Казахской ССР» (во втором издании эти ошибки исправлены). Понять восстание Кенесары можно только на широком фоне социально-экономических отношений Казахстана и, в первую очередь, классовых отношений и той внешнеполитической обстановки, в условиях которой происходило данное восстание. Далее, для понимания цели и задачи восстания очень важную роль играет детальный анализ движущих сил восстания Кенесары. В восстании участвовали представители разных социальных прослоек, и вполне понятно, что они в восстании преследовали не одинаковые цели.

6) АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Основным источником для изучения хозяйственного строя, социальных отношений казахов, а также внешнеполитических связей Казахстана с соседними государствами и колониальной политики царизма, являются архивные материалы. До революции почти не производилась публикация архивных документов по истории Казахстана. Наиболее крупной публикацией явилось издание по инициативе Военного Министра А. Н. Куропаткина 14 томов документальных материалов, под названием «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края»¹.

¹ Составителем «Сборника» был военный инженер-полковник Серебренников Л. Г., занимавший тогда пост начальника Семиреченской инженерной дистанции.

В первых четырех томах этого сборника были опубликованы некоторые архивные материалы по истории завоевания Казахстана, относящиеся, главным образом, к середине XIX века. В них имеются ценные сведения о восстании Кенесары Касымова и опубликованы отдельные его письма.

Из дореволюционных публикаций, относящихся к истории Казахстана, можно назвать издания Семипалатинского краеведа Н. Я. Коншина. Им была опубликована из местного областного архива переписка А. Букейханова под названием «Из переписки киргизских ханов, султанов и проч.», а также показания среднеазиатских торговцев под заголовком «О заграничных обстоятельствах»¹. Переписка А. Букейханова отражает внешнеполитические связи Казахстана с царской Россией; в частности в письмах к генерал-губернатору Капцевичу отражены первые шаги колонизации Казахстана. «Сказки» среднеазиатских торговцев дают представление о торговле, о внутренних событиях в Ташкенте, Коканде и Восточном Туркестане. Все эти материалы относятся к 20—30-м годам XIX века.

Из документальных публикаций по истории Казахстана, изданных в советское время, следует назвать «Материалы по истории Казахской ССР» (1785—1823 гг.), том IV, подготовленный к печати под редакцией проф. М. П. Вяткина. Этот труд является ценным источником по истории Младшего жуза конца XVIII и начала XIX века. Материалы по остальным казахским жузам войдут в последующие тома этого же издания. Отдельные документальные материалы напечатаны в «Красном архиве», «Историческом архиве» и в других изданиях.

Из беглого обзора публикаций документальных материалов по истории Казахстана можно убедиться в том, как мало сделано в этой области исследователями. Именно поэтому данное исследование в значительной мере основано на изучении неопубликованных архивных источников. Абсолютное большинство из использованных нами документов не тронуто исследователями.

По истории первой половины XIX века Казахстана сохранилась масса архивных документов в различных архивохранилищах. Нами изучены материалы по следующим архивам:

¹ «Памятная книжка Семипалатинской области» на 1900—1902 годы.

1. По центральному историческому архиву Казахстана (Истор. архив КССР — Алма-Ата) просмотрены: фонд № 4 Оренбургской Пограничной Комиссии, фонд 336—345 Омского Областного Управления, фонды 81—82 — 374 Пограничного Управления Сибирскими киргизами, фонды 2—3 начальника Алатавского округа и киргизов Большой Орды, фонд 370 Уральского Областного Управления.

Большое число хранящихся в перечисленных фондах материалов отражает внутреннее состояние Казахской степи.

2. В Чкаловском историческом архиве (Чкаловский Гос. Истор. архив) использованы: фонд 6 Оренбургского генерал-губернаторства, фонд 166 — рукописи бывшего председателя Оренбургской Пограничной Комиссии ген.-майора Г. Ф. Генса, фонд 169 — рукопись Севастьянова, фонд 96 — рукопись полковника Авдеева и фонд Оренбургского Таможенного Управления.

3. В Центральном Историческом Архиве Узбекистана (ЦГИА УзССР) использованы собранные А. Г. Серебренниковым архивные материалы «К истории завоевания Туркестанского края». Материалы А. Г. Серебренникова составляют 30 томов. Как мы отмечали, из них до революции вышли из печати только 14.

4. В Центральном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА) использованы фонд ВУА Военного Министерства и фонд канцелярии Военного Министерства, где была сконцентрирована вся переписка Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств с Военным Министерством. В этом фонде хранится много материалов о восстании казахов под предводительством султана Кенесары и внутреннем состоянии Казахской степи.

5. В Центральном Государственном Историческом Архиве г. Москвы (ЦГИА) использованы: фонд Глав, архива 1—9 Министерства иностранных дел, в котором сохранилось большое количество дел о восстании Кенесары Касымова (1837—1847 гг.) и докладные канцлера Нессельроде Николаю I, в которых нашла яркое отражение колониальная политика царизма в Казахстане.

6. По Центральному военно-историческому архиву Ленинграда (ЦГВИАЛ) использован фонд 9 Аудиториатского Департамента Военного Министерства, в котором сохранились судебные дела (допросы и показания участников восстания 1837—1847 гг.).

7. В Центральном историческом архиве г. Ленинграда (ЦГИАЛ) просмотрен фонд Земского отдела Министерства внутренних дел, Департамента полиции исполнит., первый Сибирский к-т. Здесь хранятся ценные материалы о среднеазиатской торговле, об основании приказов, о расчленении Младшего жуза на три степных округа и назначении султанов-правителей, и материалы, рисующие внутреннее состояние Казахской степи.

8. В архиве Академии наук СССР г. Ленинграда использован фонд 23 — Чокана Валиханова. В этом фонде содержатся интересные материалы о казахских родах и султанах Старшего жуза, о казахском быте, о киргизах (историческая справка) и имеется «Записка о мятежном султани Кенесары Касымове».

9. В рукописном отделе Публичной библиотеки им. В. И. Ленина просмотрен фонд князя Барятинского («Бар/III» п. 20/25). В нем хранится интересная переписка личного характера ген.-адъютанта графа В. А. Перовского с Военным министром графом А. И. Чернышевым. Письма В. А. Перовского написаны на французском языке, в них дана любопытная характеристика состояния Оренбургского края и сообщаются ценные сведения о восстании государственных крестьян.

10. В рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) найдена интересная записка оренбургского купца Д. У. Белова о хозяйстве и торговле сырдарьинских казахов, написанная в 60-х годах.

11. В отделении Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ) нам любезно была предоставлена рукопись V тома «Материалов по истории Казахской ССР», подготовленная к печати М. И. Стеблин-Каменской. Этот том охватывает историю Среднего и Младшего жузов в первой половине XIX века.

12. В восточном отделе Библиотеки им. Алишер Навои (Ташкент) использован многотомный «Туркестанский Сборник» (530 томов).

13. В архиве Института Восточных Рукописей Академии наук Узбекской ССР просмотрены рукописи: Мулла-Мирза-Алим-бек-Дамулла-Мирза-Рахим-Ташкенди «Генеалогия султанов и история Коканда».

Мулла Жунус Шигаул Дадка — «Сады света» (по истории Ферганы).

Мухаммед Риза Мираб — «Сады Государства» (история Хивинского ханства со времени Ала-Кула до смерти Мухаммед Амин-хана).

Другие использованные материалы приведены в подстрочных примечаниях данной работы.

Для изучения хозяйственного строя и социальных отношений казахов незаменимым источником является обнаруженная нами в архивах запись быта и обычного права казахов, произведенная в 40-х годах XIX века. История этой записи такова. В связи с подготовкой Степного положения 1844 года, по указанию Оренбургского военного губернатора Обручева было поручено чиновнику особых поручений д'Андре подобрать специальных людей для записи быта и норм обычного права казахов, «имеющих в Орде силу закона»¹. С этой целью в Оренбург были созваны со всех концов все выдающиеся знатоки казахского обычного права — бии и султаны. В сборе и записях материалов приняли участие султаны-правители Ахмет Джантюрин, Айчувак Баймухаммедов, попечитель Александровский, письмоводитель восточной части Орды Половоротов — автор рукописи о восстании Кенесары Касымова и другие чиновники, прекрасно знавшие казахский быт. Исключительная ценность этих материалов состоит, с одной стороны, в том, что в них отражены хозяйственный строй и социальные отношения казахов первой половины XIX века, с другой стороны, точность сообщаемых в них фактов не вызывает сомнений, так как их источником являлись показания самих казахов — знатоков казахского обычного права. Кроме того, надо учесть, что все произведенные записи читались султанам и биям, со слов которых они были записаны, а затем под строгой ответственностью каждый подписывался под этими записями.

В записях «Быта и обычного права казахов» отражено право феодальной верхушки — султанов, биев на зимовки и летовки, перечислены многочисленные феодальные повинности, взимаемые с населения. Кроме того, в записях показано социальное лицо рабов, тюленгутов, бактачей, и наконец, в этих материалах имеются сведения о внутренней торговле в Казахской степи, о порядке кочевания, о судебных функциях биев и т. д.

¹ Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, лл. 123—144, 1846.

К сравнительно позднему периоду относится найденная в историческом архиве Казахстана запись «О народных обычаях в Семиреченской области», произведенная в 1870 году полковником Метелициным и Изразцовым¹. Этот материал интересен для сравнения с записями 1840 года. При анализе этого документа обнаружились некоторые изменения в формах землепользования казахов, в них уже не упоминается о рабах, четко определены социальные функции тюленгутов и т. д.

Для характеристики внутрифеодальных отношений Казахстана ценным источником являются сохранившиеся в архивах специальные докладные «о барымте», составленные местными чиновниками². В них объясняется происхождение барымты и ее влияние на хозяйство казахов.

В связи с ходатайством бывших потомков «тарханов» о предоставлении им звания тархана, по указанию Азиатского Департамента были составлены докладные о тарханстве³ и об их общественном положении в Казахстане. Изучение этого материала позволяет судить об институте «тарханства», почти исчезнувшем к середине XIX века.

Следующим документом, имеющим важное значение для изучения хозяйства и социального строя казахов и состояния среднеазиатской торговли, является рукопись генерала Г. Ф. Генса — председателя Оренбургской Пограничной Комиссии, — состоящая из 9 объемистых томов. К сожалению, эта весьма ценная рукопись до настоящего времени полностью никем не использована. До революции была использована академиком Г. Гельмерсеном⁴ с согласия самого Генса часть материалов, относящихся к истории среднеазиатских ханств; материалы о казахских родах использованы полковником И. Бларембергом⁵.

В рукописях Генса особый интерес представляют данные о казахских родах Младшего жуза, о районах кочевок отдельных родов. Кроме того, в рукописи содержится целый ряд интересных данных, характе-

¹ Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, связ. 271, 1870.

² Истор. архив КССР, ф. 5, д. 431, связ. 26, лл. 9—10. «О доставлении сведений о том, какие именно грабежи и воровство относятся по Оренбургскому краю к барымте», 1861 г. Значительный материал собран в «Материалах по истории Казахской ССР», т. IV, 1940.

³ Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2378, л. 15. «По поводу прошения тархана Бикбулата Бикбаева о предоставлении его потомству тарханского достоинства», 1847.

⁴ Berichten über Chiwa, Buchara, Chokand, St. Petersburg, 1839, Jahre.

⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XIV, ч. III, СПб, 1848.

ризующих взаимоотношения казахов с русскими переселенцами — крестьянами Оренбургского края и т.д.

Ценные сведения о хозяйстве казахов и состоянии ремесла и о внутренней торговле содержатся в годовых отчетах Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, представлявшихся в Министерство иностранных дел. К счастью, эти отчеты полностью сохранились за все интересующие нас годы. И, наконец, ценные сведения о состоянии Казахской степи давали в своих показаниях лазутчики, специально посланные властями для изучения настроений казахов. На основании этих источников можно судить о хозяйстве казахов, об изменениях в формах землепользования, о формах вассальной зависимости. Кроме того, эти материалы позволяют судить об общественном положении и политических настроениях отдельных социальных групп — султанов, биев и баев — и о положении феодально зависимых людей — байгушей, егынши, джатаков, бакташи и т.д.

Другой важной проблемой является изучение политического строя ханства Кенесары. Основным источником по этому вопросу служат подробные докладные попечителя Долгова¹, и поручика генерального штаба Герна², в 1845 году посетивших ставку Кенесары.

В своих докладных они сообщают интересные данные о порядке управления степью через есаулов, о формах вассальной зависимости, о прерогативах ханской власти, о тюленгутах. Кроме того, имеются подробные сведения об организации военных сил, о состоянии вооружения войск Кенесары и т.д.

Ценным источником для изучения политического строя ханства явились также подробные показания военнопленных урядника Лобанова³, солдат Губина⁴, Иванова, продолжительное время живших в Казахской степи. В их показаниях также имеются ценные сведения о порядке управления, сборе налогов, созыве Ханского Совета и т.д.

Кроме того, в фондах Оренбургской Пограничной Комиссии сохранилась докладная записка султана Санали Мирзагалиева, специально посланного в ставку Кенесары за сбором необходимых матери-

алов. Санали имел личную беседу с восставшим султаном и сообщает весьма интересные подробности о внутреннем устройстве ханства Кенесары. Наряду с этим, нами использованы многочисленные опросы казахов, производившиеся в Оренбургской Пограничной Комиссии специальными чиновниками. В этих показаниях мы также находим ценные упоминания о политическом устройстве ханства Кенесары, о формах вассальной зависимости, о реальной силе ханской власти и преобразовательной деятельности Кенесары. Помимо этого, о политическом строе ханства имеются некоторые данные в докладных записках генерал-губернаторов, представленных в Военное Министерство и Министерство иностранных дел.

Изучение документальных материалов позволяет судить о Казахском ханстве Кенесары, как о феодальном государстве кочевого типа, во многом отличавшемся от предшествующих форм Казахского ханства. Оно опиралось на средний слой феодалов. Вассальная зависимость была основана на авторитете ханской власти и т.д.

По вопросу внешнеполитических отношений Казахстана с царской Россией и среднеазиатскими ханствами в архивах также содержатся ценные материалы. Для изучения этого вопроса важным источником является рукопись Генса. В ней имеются записи опросов среднеазиатских купцов, приезжавших в Оренбург по торговым делам, опросов, содержащих ценные сведения о внутренних событиях в среднеазиатских ханствах, об их отношении к Казахской степи. Помимо рукописи Генса, многочисленные показания хивинских, ташкентских, кокандских, а также русских торговцев сохранились и в других материалах просмотренных нами фондов. В этих показаниях также даются ценные сведения для выяснения внешнеполитических отношений Казахстана со среднеазиатскими ханствами. Известно, что хивинские и кокандские ханы претендовали на территорию казахов Младшего и Старшего жузов. В связи с этим они часто писали письма к казахским султанам и родоначальникам с целью добиться признания казахами их требований. Большинство этих писем и обращений сохранилось в архивах. Для изучения взаимоотношений казахских ханов с царской Россией важным источником являются письма султанов и ханов на имя представителей центральной и местной власти. В архиве сохранилось большое число писем Саржана, Касыма и Кенесары. На основании этих писем и ответов на них можно установить, как казахские

¹ Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 879—892, 1845.

² Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 941—944, 1845.

³ ЦВИА, ф. ВУА, д. 1161, лл. 229—231 об.

⁴ Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5557, лл. 4—8, 1844.

султаны и ханы понимали вопрос о «протекторате», о «подданстве» казахов, понять причины их ориентации на Россию, а не на среднеазиатские ханства — Коканд, Хиву. В местных архивах в большом количестве сохранились письма султанов-правителей и старших султанов и их донесения губернаторам и начальникам Пограничной Комиссии. В этой переписке отражены методы царской колониальной политики, история основания приказов и т. д. Большая часть переписки губернаторов посвящена восстанию Кенесары. Эта переписка, носящая официальный характер, не всегда дает объективное представление о Казахстане и целях колониальной политики российского самодержавия. Все же в ней часто встречаются секретные документы, рисующие подлинный характер царской колониальной политики. Захват казахских земель граф Нессельроде следующим образом объясняет в своем докладе Николаю I: «Цель правительства при переносе линии состоит в приобретении через сие значительного количества хлебопахотных земель... для чего необходимость требует очистить сии земли от киргизов, которые на них кочуют»¹. В официальной переписке сохранилось много интересного, рисующего отношение царских колонизаторов к казахам. В одном из донесений видного чиновника к Оренбургскому военному губернатору — графу П. Сухтелену — сказано: «Я не увлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов, просветить их и возвысить их на степень, занимаемую европейскими народами»².

Сохранившиеся в архивах материалы позволяют судить и о социальной политике царского правительства в Казахстане. Известно, что в своей колониальной политике царизм опирался на султанов и родовую знать — биев. В этом отношении представляют большой интерес письма, донесения и прошения казахской знати. Так во время восстания Кенесары султаны и бии, оставшиеся верными правительству, просили защиты от «мятежников». Старший султан Акмолинского приказа Худаймендин, прося помощи, писал: «Кенесары Касымов изыскивает средства нанести мне ощутительный вред за преданность мою к Российскому правительству»³.

¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции. Исполнит. 1835, д. 273, лл. 4—13.

² ЦГИАЛ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., ф. 134, лл. 1—2, 1834.

³ Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 31, лл. 416—417, 1837.

Царская администрация всегда чутко реагировала на такие просьбы султанов и биев и оказывала им неизменную поддержку. Подобного рода документальные материалы сохранились, главным образом, в историческом архиве Алма-Аты, в фондах Оренбургской Пограничной Комиссии, Пограничного Управления Сибирскими киргизами и др. Документы, исходившие от казахской знати, написаны на казахском и татарском языках. В Пограничной Комиссии эти письма переводились на русский язык переводчиками, зачастую весьма неточно.

Поэтому при использовании ведомственных переводов с этих документов мы сверяли их с подлинниками.

О злоупотреблениях местной власти над казахским населением интересные материалы дают ревизии деятельности губернаторов и председателей Пограничной Комиссии. В этом отношении исключительную ценность представляют материалы ревизий, произведенных действительными статскими советниками Родофиникиным, Любимовым и другими.

Материалы ревизии директора Азиатского Департамента К. К. Родофиникина вскрыли вопиющие злоупотребления при сборе налогов. Он отмечал, что казахи терпят урон «от неумеренных плат». Кроме налогового гнета, казахи, вследствие захвата их земель, испытывали острый недостаток в пастбищах и зимовках. Тот же Родофиникин писал: «Кроме сего им делаются разные притеснения в отношении к зимовкам при Линии, к добыванию соли из озер»¹.

Действительный статский советник Любимов также указывал на злоупотребления чиновников и казачьих войск. Он писал: «Во время поездки моей по Линии я также неоднократно слышал жалобы киргизов на то, что казаки отняли у них все лучшие сенокосные места»².

Чиновники, ревизовавшие деятельность местных властей, строго подходили к делу, так как материалы ревизии предназначались для руководящих правительственных органов. Приводимые в актах ревизии факты ярко отражают состояние дел в Казахской степи.

Следует отметить переписку Оренбургского губернатора Перовского и западно-сибирского губернатора Горчакова, сохранившуюся в фондах Военного Министерства и Министерства иностранных дел. В

¹ Чкаловский Гос. Истор. архив, ф. 6, д. 5496, лл. 8-14.

² Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 57-50, лл. 2-12, 1846.

отношении восстания Кенесары оба губернатора занимали противоположные позиции и оценка движения у них была разная. На этой почве между ними происходила ожесточенная полемика, очень важная для понимания различных течений внутри царской администрации.

Ценным материалом о восстании Кенесары являются сохранившиеся в фондах Аудиториатского Департамента Военного Министерства, а также в фондах Министерства иностранных дел, материалы военно-следственных дел участников восстания. Приведем перечень некоторых основных следственных дел:

1. Судебно-следственные дела 16 султанов во главе с Абулхайром¹.

2. Военно-судебное дело 4-х активных участников восстания во главе с Тобылды Тохтиным².

3. Судебно-следственное дело 17 участников восстания во главе с родственником Кенесары Бигаий Сеил-ханом³.

4. Судебно-следственное дело султанов Худаймендина и Турсунханова⁴.

Ценность этих судебно-следственных дел заключается в том, что все привлеченные к суду лица являлись активными участниками восстания. Поэтому их показания содержат богатые сведения о повстанческом движении. Но здесь требуется сугубо критический подход к источнику, так как сведения давались лицами, заинтересованными не только в оценке движения, но и в исходе следствия.

В этой связи интересно военно-судебное дело о 17 участниках восстания во главе с Сеил-ханом. При подробном изучении этого дела мы обнаружили расхождения в показаниях отдельных участников, особенно расходились данные о количестве повстанцев. Согласно показанию Муллы Умыбая Калдыгулова, у Кенесары было около 15 тыс. кибиток. Когда мы сравнили его данные с другими, обнаружилось явное преувеличение. Более или менее правильными оказались данные, сообщаемые родственником Кенесары Сеил-ханом и Чукмар Бактыбаевым — видным деятелем повстанцев. Только сравнивая показания

всех привлеченных к суду участников, можно более точно установить правильность сообщаемых ими сведений. Изучение военно-следственных дел дает весьма ценные сведения о количестве повстанцев, об их вооружении, о порядке обучения, о военной тактике. Словом, на основании этих материалов можно составить подробное представление об организации повстанческого лагеря. Кроме того, в показаниях участников восстания имеются ценные сведения о практической деятельности Кенесары, в частности, сообщаются факты, относящиеся к производству оружия, регулярному обучению военному делу сарбазов, судебной реформе и т. д.

Кроме перечисленных документальных материалов, нами использовано большое количество «сказок» (т. е. протоколов опроса), исходивших от различных лиц. По своему характеру эти «сказки» можно разделить на три группы:

Во-первых, «сказки», исходившие от среднеазиатских и русских торговцев, побывавших в ставке Кенесары.

Во-вторых, «сказки», исходившие от непосредственных участников восстания.

В-третьих, «сказки», исходившие от лазутчиков, специально посылавшихся в повстанческий лагерь с целью собирания необходимых сведений (месторасположение повстанцев, количество «мятежников», вооружение их, руководители восстания и т. д.).

Все эти «сказки» отбирались в Оренбургской Пограничной Комиссии. Познавательная ценность указанных видов «сказок» неодинакова. Относительно второй группы — «сказок», отбравшихся от участников восстания, можно сказать то же, что нами говорилось выше о материалах судебно-следственных дел.

Прежде всего, надо учесть, что большинство из пленных, дававших «сказки», отказывались признать себя участниками восстания, а если разными уликами они вынуждены были признаться, то все-таки они пытались обелить себя и т. д. Поэтому в этих «сказках» они всячески старались давать неверные сведения, скрывали свой род, месторасположение своего аула и т. д.

В качестве иллюстрации приведем такой факт. Первый раз во время допроса участник восстания Чана Ярлыханов дал о себе следующие сведения: «Зовут меня Чана Ярлыханов, от роду имею 45 лет, киргиз Таминского рода Атачалова отделения, ведомства старшины

¹ Истор. архив. КССР, ф. 82, д. 169, л. 20, 1838

² Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, Д. 169, лл. 12—13, 1838. «О предании военному суду киргиз: Тобылды Тохтина и других сообщников Кенесары Касымова».

³ ЦГИА, Глав, архив 1—9, д. 1, лл. 489—499, 1838—1849 гг.

⁴ ЦГВИАЛ, ф. 9. Аудитор, департ., 4 отд., связ. 208, дело ч. I, лл. 91—Ю2, 1842

Кузембая Аханова». ¹ А когда от него отбирали повторные «сказки», он сообщил о себе; «Зовут меня Чана Ярлыханов. От роду имею 40 лет, жену, детей не имею, Кипчацкого рода, Казахского отделения команды старшины Калбая Бахбаева... Прежде я на спрос русских и башкирцев показывал разнообразно ни от чего более, как хотел скрыть свое преступление»².

Аналогичные факты нередко можно встретить и в других «сказках».

Круг показаний «сказок» лазутчиков, посылавшихся в степь, определялся теми инструкциями, которые эти лица получали от Пограничной Комиссии. Несмотря на стремление лиц, дававших такие «сказки», к возможной точности показаний, все же при детальном изучении и сравнении «сказок» на одну и ту же тему нередко обнаруживаются между ними расхождения.

В одной из своих «сказок» лазутчик заявил о смерти Касыма, а месяцем позже другой лазутчик сообщил об его пленении в Туркестане; на этом основании дезориентированный председатель Оренбургской Пограничной Комиссии писал: «Отец Кенесары Касым Аблаев не убит, как полагали, по прежним сведениям, но содержится в плену в Туркестане»³.

Неточность передаваемых лазутчикам сведений объясняется тем, что некоторым лазутчикам (казахам) не всегда удавалось дойти до места назначения, ибо они боялись проникнуть в повстанческий лагерь; в этом случае они ограничивались разными слухами, не удостоверявшись в их достоверности. То же самое следует сказать про «сказки», отбравшиеся с торговцев. В отдельных своих «сказках» они явно преувеличивали свои потери. Это делалось для того, чтобы просить у царской администрации возместить их торговые потери.

Торговцы — участники восстания в своих показаниях не ограничивались никакими инструкциями, поэтому они могли давать сведения из разных областей жизни казахов, и в этом заключается преимущество их «сказок» — они разнообразнее по своему содержанию, нежели «сказки» лазутчиков. Иногда неточности в «сказках» объясняются тем, что их отбирали чиновники, слабо владевшие казахским или татарским языками.

Несмотря на отмеченные недостатки, «сказки» принадлежат к числу ценных первоисточников для истории казахского народа, ибо в них можно найти необходимые сведения почти по всем вопросам быта и общественной жизни казахов. Особенно «сказки» важны для изучения движущих сил восстания. Только на основании показаний участников, можно установить какие казахские роды участвовали в восстании.

В архивах сохранились ценные материалы, позволяющие судить о взаимоотношениях казахов с русскими переселенцами — крестьянами Оренбургского и Западно-Сибирского края. Среди этих материалов представляют интерес рукописи Севастьянова¹ — «О комендантском режиме в истории развития Оренбургского казачьего войска», «О прошлом Оренбургского края». В этих рукописях отражено внутреннее состояние Оренбургского края, в них приведено большое количество фактического материала, рисующего тяжелое положение солдат и государственных крестьян. Кроме того, здесь приводятся характерные выдержки из писем и неопубликованных произведений известного писателя Иосифа Игнатьевича Железнова и бытописателя Оренбургских казачьих войск Бухарина. Таким же ценным источником является рукопись генерала Чернова — члена Оренбургской ученой архивной комиссии, полковника Авдеева «Об Оренбургском казачьем войске»². И наконец, ценные сведения содержатся в рукописи генерала Г. Ф. Генса³.

Об экономических связях местного населения с русскими крестьянами отрывочные данные дают материалы Оренбургской Таможенной Комиссии.

Анализ этих материалов наглядно показывает рост экономических и культурных связей казахов с прилинейными русскими крестьянами. При этом надо отметить бедность архивного материала по этому вопросу. Исследователю приходится собирать такие материалы по крупинкам, ибо они вкраплены в показаниях отдельных лиц, донесениях чиновников и т. д. Таковы основные особенности использованных нами архивных материалов. Само собой разумеется, что в беглом обзоре мы не ставили задачу подробного анализа всех использованных

¹ Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 12, лл. 16—17, 1844.

² Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 12, л. 5, 1844.

³ Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 10, лл. 8—13, 1841.

¹ Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169, рукоп. Севастьянова С. Н.

² Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 96, рукоп. полковника Авдеева.

³ Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 166, рукоп. Генса Г. Ф.

документальных материалов. Мы указали лишь на главные из них, чтобы показать характер архивных материалов, положенных в основу настоящего исследования.

в) ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Помимо литературных и архивных источников в данной работе использованы также фольклорные источники — исторические песни, рассказы очевидцев событий и их воспоминания, равно, как народные поговорки, пословицы и песни, записанные в разное время собирателями и знатоками казахского фольклора, в частности, Ж. Копеевым, А. Диваевым, О. Шипиным, Ф. Мукановым и другими.

Все эти материалы служат, главным образом, иллюстрацией тех или иных положений, касающихся социально-экономического строя казахов и национально-освободительного движения, в частности, восстания Кенесары.

Прежде чем перейти к характеристике основных фольклорных источников, использованных в данной работе, кратко остановимся на вопросе большого принципиального значения, а именно — на вопросе о фольклоре, как историческом (и этнографическом) источнике в целом и методах его научного использования.

Значение фольклора, как важнейшего источника при изучении истории Казахстана, исключительно велико. Это объясняется тем, что казахский народ, вплоть до второй половины XIX века не имел письменной литературы. Поэтому крупные исторические события в памяти казахского народа сохранялись через устное народное творчество: поэмы, песни, былины, сказки, легенды и др., передававшиеся из поколения в поколение. В этих фольклорных материалах яркое отражение нашли общественный и социальный строй казахов, быт и нравы, и, наконец, важнейшие исторические события в жизни народа.

Значение фольклорного материала состоит в том, что она дает меткую и, зачастую, верную оценку историческим событиям и личностям, поскольку сам народ являлся творцом истории и непосредственным участником описываемых событий. Говоря о значении фольклора при изучении прошлого, П. Лафарг писал: «Народная песня принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех,

кто ее усыновляет. Песня не может быть навязана, как новая мода на платье»¹.

Еще академик В. В. Радлов отмечал огромное значение казахского фольклора для историков и этнографов:

«Этот эпос, — писал он, — дает совершенно так же, как эпос греков, ясную картину духовной жизни и нравов целого народа, с эпической широтой рисует он военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т. п.»².

Не вдаваясь в подробную характеристику казахского фольклора, следует лишь отметить, что благодаря своему обилию, разнообразию и насыщенности фактами, он представляет собой поистине неоценимый клад для историка, в особенности в области общественных отношений.

Однако пользование этим богатейшим фольклорным материалом требует от историка большого умения и сугубо критического подхода. Печальный опыт известной части наших историков и литературоведов (т.т. Жумалиева, Исмаилова, Маргулана и других), не сумевших критически, во всеоружии марксистско-ленинской методологии и современных исторических знаний подойти к фольклорным материалам, показал, какими опасными последствиями чревато небрежное и неумелое обращение с этим ценнейшим историко-этнографическим источником.

Нельзя ни на минуту забывать основных специфических особенностей фольклора — его качественную и классовую неоднородность, смешение в нем исторической правды с поэтическим вымыслом и домыслом переводчиков, напластование в фольклоре добавлений, вносимых различными сказителями и певцами, особенно тогда, когда песнь имеет давность в несколько веков и проходит множество инстанций. При этом и автор песни и ее исполнители придают событиям ту политическую окраску, которая диктуется их классовыми и политическими симпатиями. Именно поэтому, важнейшим условием при изучении фольклорного материала является установление его классового характера, а по возможности, личности его автора или исполнителя. Так, например, немало сохранилось песен, где Кенесары характеризуется, как вождь «бедных». В одной песне даже поется: «Кенесары

¹ Лафарг П. — Очерки по истории и культуры. М., 1926 с. 51-54.

² Radloff W. — Aus Sibiren. L. 1874, с. 162

был убежищем для бездомных, приютом для бескровных» и т.д. Понятно, что нескритическое восприятие подобной характеристики начисто исказило бы правильное представление о Кенесары, бывшего крупным феодалом, а отнюдь не нищенствующим вожаком крестьянской бедноты. Ряд песен явно идеализирует Кенесары и его соратников, смазывает классовые противоречия, существовавшие в лагере повстанцев, идеализирует ханскую власть и прошлое.

Особенно распространено привнесение в песню сказочных мотивов. Так, например, в одной песне, вопреки всякой исторической правде, говорится, что когда было разгромлено все войско Кенесары, он один затворился в нагорной крепости и —

«Сколько пушки в крепость ни стреляли,
Ядра падали с горы обратно
И самих стрелявших убивали».

Народная поэзия зачастую наделяет Кенесары легендарной силой. В одной песне Кенесары в ответ на угрозы царя —

«Говорит всего лишь два слова:
Первое — гремело железом,
А второе — огнем полыхало».

Ясно, каково должно быть отношение к подобным гиперболам, известным почти в каждом фольклорном произведении. Однако еще большей ошибкой было бы на этом основании полностью игнорировать эти произведения, как не заслуживающие внимания. Ведь наряду со сказочно-легендарными образами, песни эти содержат четкую характеристику сил, против которых выступали повстанцы, подчеркивая, что не только царские завоеватели душили казахский народ, но и —

«Баи предавали казахскую свободу,
Баи с генералами братались,
Царские подарки принимали».

Важнейшей задачей исследователя является не только отделение правды от вымысла, но и максимально возможная сверка их с данными архивных и литературных источников. Столь же необходимо и сравнение разных вариантов отдельных песен для выявления их перво-

начального текста. Такая работа проделана нами¹, например, в отношении песен участников восстания Кенесары — акынов Нысамбая и Досхожа.

Наконец, при оценке фольклорного материала надо учитывать его специфический характер. Так, скажем, степень достоверности песни или поэмы ниже степени достоверности записей рассказов непосредственных очевидцев и участников восстания, которые смело можно рассматривать, как мемуарные материалы, являющиеся первоисточниками.

Надо учесть, что зачастую основа сказания подвергалась переработке сказителем — представителем другого класса, в интересах этого класса. Так до нас дошел целый ряд фольклорных песен, специально импровизированных по заказу феодальной верхушки. В частности, в Ташкентском архиве мы нашли песню одного неизвестного феодала, записанную в 40-х годах XIX века. Об авторе этой песни председатель Оренбургской Пограничной Комиссии В. Григорьев писал: «Из появившихся недавно в нашей среде многих песен, в которых воспеваются могущество России и слава ее оружия, представлена одна, более других интересная и составленная, по объяснению г. Первухина, одним почетным ордынцем, которого, однако, попечитель по имени не называет»².

Из приводимого ниже текста видно, как автор этой песни, олицетворявший колониально-феодальный гнет, восхваляет колониальную, захватническую политику царизма:

«Государь наш император восседает на своем троне
Всякий царь пребывает на своего народа стороне.
Живем мы теперь в изобилии и покое,
Ибо государь наш печется о благе своих народов»³.

¹ Хотя далеко неполная, ибо не все их песни записаны, да и качество записи не всегда равноценно. К сожалению, приходится отметить, что до сих пор памятникам фольклора и их научной обработке в Казахстане не уделено того внимания, которого они, бесспорно, заслуживают. Этот существенный пробел крайне затрудняет работу исследователя.

² ЦГИА, УзССР, ф. 715, д. 15, л. 57. Из донесения председателя Оренбургской Погран. Комиссии Оренбургскому военному губернатору, 1854.

³ Там же. Л. 57.